

Г. А. Жданова

**«ЛЮДИ ВСЯКОГО ЗВАНИЯ» В «ПИСЬМАХ С ДОРОГИ»
ГЛ. УСПЕНСКОГО**

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Институт филологии и журналистики,
Саратов, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается экспозиция образов, представленных Гл. Успенским в путевом очерке «Люди всякого звания» из цикла «Письма с дороги» (1889). Очерк является итогом социально-психологического исследования писателем разнообразия этносов и типов, соседствовавших на черноморском побережье Кавказа и характерных для российской провинции конца XIX века. Критерием их оценки является раскрытие того, честным трудом живут герои очерка или несправедливо наживают рубль. Автор отдаёт предпочтение крестьянам-труженикам.

Ключевые слова: Гл. Успенский, пореформенная Россия, путевой очерк, типы, крестьяне-переселенцы, мечтатели-авантюристы, «оригиналы»

G. A. Zhdanova

**«PEOPLE OF ALL RANKS» IN «LETTERS FROM THE ROAD»
OF GL. USPENSKY**

Saratov State University, Institute of Philology and Journalism, Saratov, Russia

Abstract. The article discusses the exposition of images, which were typical for the Russian province of the late 19th century, presented in Gleb Uspensky's travel essay «People of all ranks». The essay was included in the cycle «Letters from the road» and was the result of the writer's research of the Caucasian coast. The abundance of ethnic groups and the diversity of types, which were neighbours in a limited area, helped Gleb Uspensky to study comprehensively the original Russian life in a short time.

Keywords: essay, post-reform Russia, travel, original, folk life

Крупный публицистический цикл путевых очерков Гл. Успенского – «Письма с дороги» – представляет собрание «психологических этнографий» [1, с. 123], скрупулёзно собранных писателем во время исследовательской поездки по черноморскому побережью Кавказа, где он находился с марта по июль 1886 года. Целью добровольной командировки прозаик видел изучение народной жизни, состав участников которой, особенно на юге России, был весьма разнообразен.

«Люди всякого звания» – третье «письмо» сборника. На страницах очерка воссоздана галерея образов с учётом тонких социально-психологических особенностей, типичных для российской провинции 1880-х годов. Картины размеренной жизни на девственных землях вокруг Новороссийска, для которых приметы капитализма были нечастым явлением, сменяются «неряшливо распаханной» [2, с. 327] земледельческой гладью, стремительно переходящей в «настоящую южноамериканскую табачную плантацию» [2, с. 327]. На просторах черноморского побережья всё чаще встречается новый тип предпринимателя, малознакомый труженику-землепашцу – «благообразный “плантатор” с лицом, сияющим удовольствием и благополучием» [2, с. 327],

внешне похожий на персонажа иностранного объявления о продаже новаторского аграрного оборудования. От фигуры плантатора неотделим другой образ – «обоз *“рабочих рук”*» [2, с. 327].

В Екатеринодаре существовал рынок рабочей силы – здесь молодые девушки и женщины нанимались в работницы на плантации. Участь крестьянки с *«женского рынка»* [2, с. 328] Глеб Успенский тесно связывает с трагической долей рабыни-негритянки. *«Сколько детской наивности в этой толпе женской молодёжи, не знакомой ещё с ощущением тоски в труде, не подозревающей, что эти "планташи" умертвят в них это трудовое "веселье", которое они привыкли не отделять от работы!»* [2, с. 328], – сокрушается литератор.

Однако корабль несёт путешественника дальше. Гл. Успенский – талантливый писатель-хроникёр, внимательно, тонко и точно запечатлевает детали текущей жизни. Художественно-публицистические рассуждения о судьбе крестьян сменяются выразительным, реалистичным изображением Кубани: *«Река эта вообще не особенно живописна и привлекательна. Берега Кубани некрасивы, точно топором обрублены, и грязны. И среди этих грязных, некрасивых берегов Кубань несёт к морю свои грязные воды»* [2, с. 329]. Под Темрюком этот единый мощный поток талых мутных вод распадается на множество рукавов и теряется *«в огромной и поистине удручающей низине»* [2, с. 329]. Описываемая местность неприятно поразила впечатлительного повествователя: *«Чувствуешь себя как бы на какой-то глубине, несоразмерно далеко упавшей книзу, от высоты этого неба, этого солнца, от огромности всего этого воздушного пространства, которое, кажется, хочет навалиться на вас и окончательно притиснуть к притиснутой земле»* [2, с. 329].

И на этих клочках *«мертвенных мест»* [2, с. 329], бесконечно сражаясь с напором водной стихии, *«ютятся в каких-то хибарках из камыша и надеются "жить землёй" человеческие существа»* [2, с. 329]. Только *«адская нужда»* [2, с. 329] могла заставить отчаявшегося, безземельного крестьянина поселиться здесь и *«копошиться в неприветливых низинах», «трудиться в поте лица»* [2, с. 329] с мыслью о том, что однажды проходящий мимо *«чудовище-пароход»* [2, с. 329] поднимет высокую волну и погубит прибрежного жителя со всем нажитым непосильным трудом имуществом. Однако бесстрашный, умелый русский народ сможет приспособиться практически к любому, даже самому скромному и ненадёжному образу жизни: *«Несмотря на явную очевидность невозможности жить здесь, перед вашими глазами и пашня видна, и пахарь, и баба, и мальчонка без штанов и без шапки, и камышовое лукошко вместо избы, и, наконец, тот самый Шарик, у которого ещё тогда, когда таинственные его хозяева жили где-нибудь в Тульской губернии, кошка выцарапала глаз и телегой переехало лапу»* [2, с. 329].

На недавно пустынных берегах Кубани активно зарождается жизнь – с палубы парохода видны разной величины хутора, *«жалкие»* посёлки в

несколько дворов, одинокие домики и россыпи «*камышовых хибарок и плетушек*» [2, с. 330]. Вместо крестьян-«*скитальцев*» местные «*шалаши из камыша*» [2, с. 330] населяют темрюкские мещане-рыболовы. Нескольких удачно нанесённых штрихов достаточно для воссоздания самобытных портретов рыбаков: «*...вот чистый бородатый русак копошится с своею сетью, опущенною в воду, охраняя её от набега парохода, а вот в другой лодке какой-то турок или грек в феске, а там совершенно явственный "николаевский" служака, у которого когда-то бритое лицо заросло седою топырящеюся щетиной*» [2, с. 330]. Но «*одинокие, разносословные, разнохарактерные фигуры*» снова сливаются воедино в «*обилие "оригиналов" и "характерных людей"*» [2, с. 330].

Кавказ – уникальная местность, поражающая этнической пестротой и разнообразием природных условий, которые благоприятствуют соседству непохожих друг на друга порядков. «*То, что в России надобно изучать по отдельным областям Великороссии, Малороссии, Волыни или казанской татарщины, – всё это можно видеть здесь как бы в образчиках, сгруппированных на незначительных пространствах места, точно в музее*» [2, с. 327], – резюмирует Гл. Успенский. Поэтому поспешная и непродолжительная южная поездка дала писателю такое обилие материала для понимания характеров.

Наиболее содержательным исследованием «людей всякого звания» и «*“оригиналов” всякого образца*» [2, с. 332] можно считать беседу Гл. Успенского с фургонными попутчиками. Перед читателем возникает три своеобразных типа русских скитальцев, которые «*оказались каждый на свой образец*» [2, с. 332]. Повествователь несколькими штрихами намечает портрет персонажа, даёт ёмкую речевую характеристику, воспроизводит наиболее значимые эпизоды его биографии. Но литератор-путешественник сознательно не называет имён новых знакомцев, так как их судьбы типичны для пореформенной России.

Один из попутчиков – «*цыган в казакине, в мерлушечьей шапке, "при цепочке" и при золотых кольцах, дающих право думать о незнакомце как о теноре или баритоне цыганского хора*» [2, с. 332]. Это открытый, авантюрный, но временами сомневающийся и совестливый человек. Много лет он служил «*у одного крупнейшего малороссийского помещика, знаменитого скряги, превосходящего Плюшкина, и необычайного кляузника в малейших житейских отношениях, превосходящего самого Иудушку*» [2, с. 333]. Теперь цыган, предоставленный сам себе, вынужден маяться в поисках рубля. Без тени смущения предприимчивый мужик делится с писателем-путешественником подробностями афер, в которых принимал участие. Бестолково он мыкается от одного дела к другому – от «*хлебного дела*» к подделке вин, от «*народного одеколона*» к «*выигрышным билетам*» амстердамского банка. «*Всё это – положительно капля в море всевозможных <...> стремлений, о которых слышишь постоянные разговоры и на которых*

сосредоточены мечтания массы тёмных личностей, повсюду кишящих на новых местах» [2, с. 335], – заключает писатель.

Второй новый знакомый Гл. Успенского также отличается «неординарными свойствами» [2, с. 335] и прагматичным мышлением. «Молоденький мальчик, лет восемнадцати, армянского типа и, по-видимому, очень хорошо воспитанный или выдрессированный» [2, с. 335], – так изображает писатель юного предпринимателя. «Благовоспитанность, умение себя хорошо и прилично держать и прекрасный язык» [2, с. 335] – все внешние характеристики указывали на образованность юноши. В ходе разговора с ним повествователь узнал, что мальчик действительно учился в классической гимназии. Однако временная подработка в буфете у родственника, обман при расчёте и кажущаяся привлекательность частного ресторанного предпринимательства сбили молодого человека с толку. Он сбежал в Кисловодск, где начал расти его капитал – страсть к наживе стремительно увлекала начинающего ресторатора, развращала его и даже толкнула на преступление. Так, прибыв в Ялту, юноша принял участие в ограблении одной барыни. Расторопному, деловому мальчику в короткий срок удалось собрать денег, достаточных для аренды летнего сада, найма обслуживающего персонала и музыкантов. Но предприятие, начавшее приносить довольно крупный доход, из-за проливных дождей вскоре расстроилось. Поэтому собеседнику литератора пришлось всё бросить и в поисках прибыли бежать в Екатеринодар.

«В начале речи мальчика, когда он говорил о гимназии и о том, что учителя и товарищи не увидят его за буфетом, в его голосе слышалось что-то тоскливое и стыдливое; но, по мере того, как "деньги" начинали в нём играть первенствующую роль, никакой застенчивости и ни малейших признаков скромности не звучало уже в его речи. О "скандальных" ялтинских эпизодах, об успешной "торговле арфистками", о том, что в городе Е., к счастью, кажется, уже начался разврат, – обо всём этом восемнадцатилетний мальчик, ученик четвертого класса гимназии, говорил совершенно спокойно, как о делах, не подлежащих ни малейшему сомнению и критике» [2, с. 338], – завершает Гл. Успенский свой рассказ о втором типе «людей всякого звания». Тяжёлые, удручающие впечатления оставил на душе восприимчивого хроникёра окружающей жизни разговор с юным дельцом.

Своё отношение к описанным разновидностям беспринципных охотников за барышом Гл. Успенский отразил в развёрнутом художественно-публицистическом отступлении о судьбе русских городов. Писатель выделяет два типа городов – «с рублёвым корнем» [2, с. 338] и «выращенный из маленького трудового зерна» [2, с. 338]. «Что-то глубоко оскорбляющее чувствуется на сердце всякий раз, когда придётся хотя некоторое время побыть в одном из таких "новых", на рубле и для рубля возникающих человеческих общежитий» [2, с. 338], – отзывается о первых чуткий наблюдатель. По мнению автора, в обоих случаях есть объединяющие атрибуты общественной жизни: суды, церкви, гостиницы, базары, театр,

трактир, газетка, вор, нищий, проститутка. Однако при более тщательном и внимательном обозрении текущих событий разница между городом, выросшим из деревни, и населённым пунктом, основанным «во имя рубля», становится явной. Так, в устройстве первого предусмотрено равновесие между добром и злом – *«хорошее и худое выросло невольно для собравшихся здесь людей»* [2, с. 338]. Местное общество сосредоточенно следило за тем, что происходит вокруг, всё подвергалось основательному обсуждению и исчерпывающему анализу.

Совсем иначе зарождается жизнь в таких уголках России, как Новороссийск. Ещё совсем недавно это было нетронутое место – *«о девственный берег плескалась девственная морская волна, а по берегу шумел девственный лес»* [2, с. 339]. Но стоило заграничным банкирам-инвесторам подсчитать потенциальную прибыль, полученную от покорения южного края, как на миллионы вложенных франков и марок стеклись люди разных профессий: *«техники, механики, инженеры», «рабочие», «тёмные люди», «всякая голытьба», «аферисты всех сортов»* [2, с. 339]. Очеркист отмечает необходимость *«организации проституции»* [2, с. 339], строительства острога, кафешантана, открытия гостиницы и заблаговременного отведения *«места под трущобы и публичные дома»* [2, с. 339] в таких городах *«Словом, здесь, в этих новых городах, люди сознательно тащат на чистую, невинную землю всевозможный мусор, сами, своею волей, должны заводить грязь и всякую гадость, и таким образом, будучи, во-первых, чужды друг другу совершенно, чужды по национальностям, по личной жизни, по личным планам относительно своего будущего, они сходятся в какое-то якобы общество во имя только рубля и, сойдясь на рубле, они начинают жить уже с нечистоплотною душой: все они сами завели все эти язвы, и потому всякая причина этих язв с их стороны – фальшь и ложь»* [2, с. 340], – в нескольких словах объясняет писатель обширную систему возникновения городов – жертв капиталистов.

Как человек, хорошо знакомый с устройством современной редакции печатного органа и принципами работы журналиста, Гл. Успенский непредвзято рассматривает деятельность сотрудников местных изданий и даёт объективную оценку их деятельности: *«Все свои шаблоны пресса такого рода берёт готовыми: на пять верст вокруг рубля, который возродил её, она не видит ничего для себя важного и интересного и, несмотря на внешний лоск и блеск, мертва внутренно, безжизненна, холодна, как труп. Она не оживит, не разовьёт ни одного дарования, не окрылит ничьей мысли...»* [2, с. 340]. Здесь нет журналистики в классическом понимании: сотрудники газет и журналов пренебрегают своими профессиональными обязанностями, забыв об этических нормах и существовании совести.

В таких местах не только нарушены общественные устои, но и личная, семейная жизнь часто здесь представляет собой не единение духовно близких, любящих людей, а, скорее, партнёрство *«из-за рубля»* [2, с. 341]. Для того, чтобы добраться до истинной сущности обитателя нового города – детища

капитала, необходимо приложить огромные усилия. По-настоящему он раскрывается, если кому-то удастся коснуться *«интимнейших сторон биографии»* [2, с. 341]. Наиболее живой и искренний отклик вызывают в нём чужие *«горести, надежды и упования»* [2, с. 341]. Только рассуждения о чём-то далёком способны затронуть *«холодную, быть может, только временно, но умершую во имя рубля душу»* [2, с. 341] собеседника. *«Это – "ненастоящая" жизнь, и переносить её даже после самого короткого соприкосновения с народной жизнью, где личная забота неразрывна с душевным настроением, так же как и со всем обиходом жизни, положительно невозможно»* [2, с. 341], – подводит итог сравнения двух типов городов Гл. Успенский.

Экспозиция *«людей всякого звания»* пополнилась ещё одним экспонатом. Им оказался третий попутчик писателя, помещавшийся рядом с извозчиком. Для создания выразительного образа автор очерка, как и прежде, вводит в повествование портрет персонажа: *«Мужичок с длинными волосами, висевшими длинными космами из-под тёплой шапки и падавшими на широкий воротник широкого армяка, имел в лице что-то не вполне крестьянское: эти волосы и борода, впалые щёки и тонкий голос – всё это заставляло думать, что если он и не из духовных и не знаком с клиросом, то во всяком случае он и не мужик»* [2, с. 341]. Приведённые фрагменты диалога нового знакомца с кучером изобличали в нём *«нервного, впечатлительного»* собеседника с *«напряжённо визгливым тенором»* [2, с. 342].

Рассказчик приводит краткую биографию героя: бывший портной под влиянием рассказов о привольных местах на свой страх и риск, без денежных сбережений и без особой надежды примкнул к переселенческой партии и ушёл на новые места: *«Выбравшись из своей душевной портновской каморки на вольный свет, он был до высшей степени возбуждён новизною и разнообразием впечатлений; эта возбуждённость не пропала в нём и сейчас...»* [2, с. 342]. Воодушевлённый *«чудесами»* [2, с. 342] местной природы и *«легендами о богатствах»* [2, с. 342] её недр, потомственный ремесленник скоро *«пристрастился к земледельческому труду, полюбил его»* [2, с. 342] и начал умело разбираться в мельчайших проявлениях крестьянского быта. Устроив своё хозяйство, он обзавёлся семьёй, теперь же направлялся в Екатеринодар *«ходоком от общества»* [2, с. 342] отстаивать права землепашцев, притесняемых казаками. Глеб Успенский называет знакомого переселенца *«неофитом в земледельческом труде»* [2, с. 342] и характеризует его как надёжного человека, который *«не уступит, "вопьётся" и уже добьётся своего, доймёт одним своим тенором, дребезжащим, как колокольчик»* [2, с. 342].

Мужуку с природной тягой к земле Гл. Успенский противопоставляет четвёртый тип *«оригиналов»* – фургонщика. Это не безмолвная фигура возницы, а один из активных участников общей беседы. Он не без надежды спрашивает пассажиров о прокладывании железнодорожных путей по черноморскому побережью. В Анапе у него есть *«домишко»* [2, с. 343], который он мечтает продать, а вырученные деньги потратить на покупку

земли и устройство своих детей, которые до сих пор не примкнули к серьёзному делу, а «шарлатанят» [2, с. 343]. Старший сын играет в карты и грезит «легко разжиться» [2, с. 343], второй планирует торговать спиртными напитками из жареных подсолнухов. Слабость фургонщик оправдывает своим происхождением: *«Как задумаю о крестьянстве – лучше ничего нет; а как вспомню, что во мне дворянская кровь, так руки и опускаются»* [2, с. 344]. «Дворянину» с польскими корнями «обидно» [2, с. 344] становится мужиком. Шестидесятилетний старик *«мыкается в фургоне»* [2, с. 344], набирает полную повозку пассажиров, ютясь на подножке у козел, но при этом *«старается сохранить своё достоинство»* [2, с. 344] – он не прислуживает пассажирам, не просит «на чай», бережно относится к лошадям. Ежедневная езда по ухабистым дорогам, *«ломающая кости»* [2, с. 345], страшно дорогой корм – все невзгоды извозчичьей доли истощают бедного фургонщика: *«Самый завалищий казак и самый обиженный судьбою мужик живут покойнее и лучше его. Но что прикажете делать – "дворянская кровь препятствует!", и старик, родившийся дворянином, не хочет умереть мужиком, хотя завидует ему в глубине души»* [2, с. 345].

Таким образом, непродолжительная поездка в фургоне дала Глебу Ивановичу Успенскому обширный, ценный материал для рассмотрения явлений настоящей жизни провинциальных городов и воссоздания целого *«букета оригиналов, жизни и цели которых решительно не имеют ничего общего»*, из-за чего *«маленький фургон должен представиться большим романом, не уступающим "Пиквикскому клубу"»* [2, с. 345]. Всё это – мечтатели-авантюристы, но каждый персонаж – цельная личность с неповторимой судьбой, со своими бедами и надеждами. Посредством изображения нескольких типов, характерных для эпохи, писатель смог подробно отобразить картину окружающей действительности. В современном обществе два средства к существованию – честный труд и недобросовестно нажитый рубль. Так, люди, по разным причинам далёкие от народной жизни, вынуждены слоняться от одного дела к другому, коротая свой век в неправде и нужде. Единственно верный выход, по мнению Гл. Успенского, – приобщиться к крестьянскому сообществу и свободно жить своим трудом.

Список литературы

1. Айхенвальд, Ю.И. Глеб Успенский // Айхенвальд, Ю.И. Силуэты русских писателей: в 3 выпусках. Вып. 2. – М., 1906. – 166 с.
2. Успенский, Г.И. Собр. соч.: в 9 т. – М.: Гослитиздат, 1957. – Т. 7. – 662 с.